

А.А. Лысяный

*студент VI курса философского факультета, отделение философии,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Тел. +38067-981-65-46; email: andregrand@meta.ua*

Дана стаття присвячена тому, щоб показати суть і кінцеву мету ходу Загальної Історії людства у філософії Френсиса Фукуяма, прояснити мету створення "наукового методу"; показати, що дві іпостасі людського існування – війна і економіка є полем діяльності і "мішенями" науки; обґрунтувати можливість або неможливість відмови від науки; прийти до розуміння необхідного зв'язку між ліберальною економікою і демократією.

Ключові слова: демократія, лібералізм, авторитаризм, легітимність, економічна автаркія.

Данная статья посвящена тому, чтобы показать сущность и конечную цель хода Всеобщей Истории человечества в философии Френсиса Фукуямы, прояснить цель создания "научного метода"; показать, что две ипостаси человеческого существования – война и экономика являются полем деятельности и "мишенями" науки; обосновать возможность или невозможность отказа от науки; прийти к пониманию необходимой связи между либеральной экономикой и демократией.

Ключевые слова: демократия, либерализм, авторитаризм, легитимность, экономическая автаркия.

The given article reveals the essence and ultimate goal of World History of humanity in the philosophy of Yoshihiro Francis Fukuyama; to make clear the purpose of "scientific method" creation; to show that two opposites of the human existence, war and economy, are branches and "targets" of science; to ground possibility or impossibility of refusal of science; to come to understanding of the necessary connection between a liberal economy and democracy.

Key words: democracy, liberalism, authoritarianism, legitimacy, economic autarky.

Актуальна ли поставленная проблема? В XX веке стало ясно, что если промышленность не контролировать, то ее бурный рост может, и, с необходимостью, приведет к экологическому коллапсу. Об этом говорили Форестер и Медоуз из Римского клуба, Фромм и Хайдеггер, – в общем, все великие умы современности были убеждены в неотвратимости надвигающейся беды. В чем же смысл исторического процесса, если он вот так однозначно ведет к катастрофе? Многие полагают, что смысл вообще отсутствует, что история – это стихия, как буря, как волна, как дуновение ветра. Другие полагают, что история имеет целью сделать человека свободным в реализации своего творческого начала. Так в чем же смысл истории, есть ли он и если есть, то какой, а если нет, то не конец ли это истории [6: 42]?

Когда же начали разрабатывать проблему, поставленную на рассмотрение в нашей статье? В античной философии распространенной была точка зрения, гласящая, что общество с развитием цивилизации деградирует. Оно идет от «золотого века» к «серебряному веку» и от него – к «железному». В библейской традиции эта точка зрения проявилась в трактовке Всемирного потопа, как Божьего наказания. Интересно, что в обыденно-практическом сознании подобная позиция, когда прошлое вспоминается в радужных тонах, имеет весьма широкое хождение. В античности появилась и другая трактовка исторического процесса, основы которой заложил Гераклит. Его идея «пульсации» истории как вечного огня, то угасающего, то разгорающегося с новой силой, фактически стала исторически первой из так называемых «теорий круговорота». Авторами теорий круговорота были Аристотель, Д.Вико, Н.Данилевский, О.Шпенглер, П.А.Сорокин, Х.Ортега-и-Гассет, А.Тойнби.

Третью группу представляют теории, рассматривающие историю как поступательное развитие, переход общества от низших к более совершенным формам жизни (Кондорсе, Тюрго, И.Кант, Гегель, К.Маркс). Многие философы начинают философию истории с Аврелия Августина. Он стремился показать единство всемирно-исторического процесса, определив в качестве начала истории явление Христа. Таким образом, история человечества – это «сотворенное» бытие, концом которого является Страшный суд. На протяжении многих веков, включая и век XX, у Августина было немало последователей. Итальянский мыслитель Д.Вико пытался отделить человеческую историю от истории божественной, земную от небесной. Все народы проходят единый путь, включающий три эпохи: божественную, героическую, человеческую, которые соответствуют детству, юности и зрелости человечества [3: 127].

Впервые введенное Вольтером понятие «философия истории», ориентировало на философское осмысление истории как особой предметной реальности, связанной с эволюцией и процессом разумной деятельности человека. Попытку теоретически исследовать историю, исходя из естественной разумной природы человека, предпринял вслед за Вольтером Жан-Жак Руссо – представитель второго поколения французских просветителей. Так изначально стала складываться специфика просветительского подхода к пониманию смысла и направленности человеческой истории. Эта специфика состояла в том, что сущностное содержание смысла истории неизменно сопрягалось с прогрессом человеческого разума и, соответственно, история человечества рассматривалась как движение по ступеням этого процесса.

Жан Антуан Кондорсе рассматривал прогресс в качестве основополагающей тенденции человеческой истории, которая обеспечивает неуклонное движение человечества в сторону истины и счастья. Кондорсе выделил в истории человечества 10 эпох, критерием различения которых служат успехи совершенствования человеческого разума. Согласно Канту, в поисках смысла истории следует исходить не из «начала», а из «конца» истории, из ее предполагаемых результатов, которые природа наметила своей высшей целью.

Кант полагает, что историю человеческого рода можно рассматривать как выполнение тайного плана природы – установления совершенного государственного устройства как «единственного состояния, в котором она может полностью развить все задатки, вложенные ею в человечество. «Сознание духом его свободы» выступает, по Гегелю, в качестве конечной цели всемирной истории. Цель же этой статьи состоит в том, чтобы показать сущность и конечную цель хода Всеобщей Истории человечества в философии Френсиса Фукуямы [6: 53].

В работе «Конец истории и последний человек», Френсис Фукуяма показал, что власть должна состоять не из наилучших членов социальной структуры, а из таких людей, которых народ боится и уважает, из людей, исторически выделенных обстоятельствами в качестве элитной правящей верхушки. В идеале это не должна быть авторитарная власть, а власть легитимная, признанная всем коллективом. Ради выживания сообщества эта власть не должна стремиться владеть душами людей, подчинять волю людей, наоборот, она должна учитывать мнения и интеллигенции и пролетариата, но свои решения она должна согласовать с транснациональными корпорациями, вливаясь в общемировую промышленный «котел». Иначе – провал экономики внутри страны и мощное понижение статуса страны на общемировом фоне. Ведь все народы мира являются составными частями человечества, как единого организма, с помощью которого Бог самореализуется в материальном мире. Естественный ход истории закономерно привел нашу цивилизацию к лозунгу «свобода, равенство и братство». Этот девиз был воплощен кровью Великой Французской революции и представил на рассмотрение либеральную демократию Гегеля и коммунизм Маркса. Второй себя дискредитировал. Пока что актуален первый [5: 269].

Наука не возникла, а была всегда потому, что она не есть какой-то отдельный феномен, а есть методика мышления человека. Человек собирает в памяти опыты, систематизирует их, обобщает, выделяет закономерности и прогнозирует будущее, тем самым, оберегая себя от неожиданностей. Способность человека пользоваться своими мозгами себе на пользу, но в усовершенствованном виде, с помощью фиксации накопленных знаний не только в устных преданиях, но и письменно, и, придуманного Беконизмом метода систематической обработки этих знаний, и является наукой. Можно сказать, что наука – это один из инстинктов врожденных, а не приобретенных, данных человеку Богом для сохранения человеческой популяции. Так что отменить науку невозможно так же, как невозможно отменить способность человека мыслить, слышать, видеть, ощущать вкус, запах, плотность. Чтобы не ударить себя тяжелой палкой по голове, нужно взять ее обеими руками, а не выбрасывать. Тогда ты сможешь спокойно и уверенно сбить яблочко с веточки [8: 56]. И, соответственно, чтобы защитить природу от химических отходов, нужно пользоваться наукой осторожнее, вдумчивее, разумнее. Ведь наука нужна и воинам, и купцам, и земледельцам, поскольку только конфликты и война делают историю, земледелие обеспечивает материальное благополучие, а торговля является двигателем прогресса. Наука – это инструмент Бога для совершенствования человеческой популяции как своего воплощения. Человечество не может отменить науку, ведь это инструмент, с помощью которого оно самосовершенствуется. Благодаря усовершенствованному мышлению, называемому наукой, человек и стал отличаться от животных, стал своими добродетелями походить на Бога. Ведь именно разум вложил Бог при сотворении в человека, чтобы сказать, что сотворил Он человека «по образу и подобию Своему», а наука является просто методикой работы человека со своим разумом.

В Советском Союзе не было у людей ни свободы для творчества, ни денег для нормальной жизни, ни сама экономика не была организована разумно, в согласии с мировой практикой, а была автаркия, – и производство и торговля замкнута на саму себя. Если страна не имеет общей экономики со всем мировым сообществом посредством сотрудничества с транснациональными корпорациями, то она обязательно потерпит фиаско. Так, потерпел поражение Союз и все страны соц. ориентации; из-за подобной же автаркии в упадочном состоянии пребывают страны Латинской Америки. И, наоборот, «на плаву» азиатские страны – Сингапур, Тайвань, Южная Корея, ведь они последовали примеру европейских и североамериканских стран [6: 15].

Но как придти к демократии? Через либеральную экономику. Так было в Испании, Португалии, Греции. Надо же дать среднему классу установить эту самую рыночную экономику! Да, вот тут и поможет авторитаризм с рыночной ориентацией, но потом он должен уступить место демократии. Почему? Потому что демократия является идеальным посредником между верхами и низами; потому что авторитаризм вырождается, не имея оппозиции; потому что появляется «средний класс», которому необходима свобода коммуникации и равенство возможностей, что исключает авторитаризм. Однако, авторитаризм эффективно поднимет экономику, поддерживая только рентабельные производства. С другой стороны, люди хотят не только обогащаться, но и заботиться о слабых и больных, а ведь производство костылей для малоимущих – не рентабельно. Вот! Тут и пригодится демократия, которая учтет все, именно все (!) нужды общества, и поэтому демократия является наиболее адекватной в качестве конечного варианта гуманного социального устройства, лишённого противоречий, как считает автор. Возможно, демократия положит конец войнам и конфликтам. Но, получается, что это – и конец развитию, и историческому процессу? Я думаю о том, может ли иметь место такая ситуация в принципе? Как будто бы еще далеко до совершенства человеческой природе, еще есть необходимость роста в своем развитии? Можно ли согласиться с Френсисом Фукуямой, что демократия – это конец истории? Нам кажется, что будут придуманы еще и другие варианты соц. устройства, которые будут

учреждаться, согласно Гегелевской диалектике, тоже в борьбе противоположностей [1: 68]. Решение этих задач привнесло некоторую новизну в прояснение общей проблематики этой работы.

Новизна заключается в том, как нами разрешается вопрос о том, какие же возможны варианты в будущем, помимо либеральной демократии, если предположить, что либеральная демократия – это еще не конец истории, а всего лишь, завершение очередного этапа в развитии человеческой популяции. Исторический опыт показывает, что после демократии, в Древнегреческих полисах установилась власть римских варваров; после гиперразвитой супердемократии Древнеримских владений пришло владычество франко-германских варваров, завоевавших Рим и, тем самым, подчинивших всю Европу своему диктату. Потом англо-франко-германское варварство, пережив средневековье, плавно перешло в Ренессанс, который благополучно превратился в опять же, – демократию. Что же дальше? Если доверять наглядности данных фактов, то можно предположить, что исторический процесс имеет бесконечное количество подобных «концов истории» и выглядит не как прямая или вектор, а как спираль, имеющая витки одинаковой формы, но все более и более полноценное и насыщенное содержание. В недалеком будущем можно ожидать очередного, но уже осовремененного варварства с несказанно более мощным, нежели сейчас, вооружением, с невиданным уровнем образованности военачальников, а, следовательно, и беспредельными масштабами разрушения. Если предположить, что Фукуяма не прав, а правы мы, то практическое применение и актуальность нашего решения проблемы «конца истории» состоит в том, чтобы попытаться предотвратить предстоящее нашествие «Новых Варваров» или, по крайней мере, готовиться к этому нашествию и учить их варварский язык [6: 23].

В чем можно усматривать перспективу развития проблемы? В настоящее время проблема сущности и конечной цели хода Всеобщей истории человечества приобретает огромное значение. Через освоение многообразных альтернатив такого рода глобальных целей человек социализируется, т. е. приобретает социальное сознание, помогающее ему устроиться в организм своей нации, своего этноса, всего мирового сообщества. Представить себе, что нас может ожидать через тысячу или даже через сто лет становится все труднее. Ведь потоки информации нарастают не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Соответственно, растет и количество технологий, а значит, вероятность их реализации. И в такой обстановке рассчитывать на какое-либо планирование, предвидение, предсказание, и даже хорошо научно обоснованное футурологическое прогнозирование становится все сложнее. Ведь даже в 50-ые годы прошлого века фантасты предсказывали нам космические путешествия, а они не реализовались; а вот самые сложные, относительно дешевые и доступные компьютеры никто не мог представить, а ведь они значительно изменили нашу жизнь и способствовали мощному рывку в научно-исследовательской работе, образовании, в экономике и политике. И если такие ближайшие перспективы футурологи не в состоянии предугадать, то как можно доверять предположениям об экологических катастрофах или о еще более фантастических перспективах утопического характера, типа всеобщего благоденствия и благополучия? Или верить в «постчеловеческие формы существования»? Или в «нанотехнологическую катастрофу»? [3: 79]

Возникновение концепций о конце истории говорит нам о том, что наступило время общественных кризисов, социальных напряжений, которые необходимо решать, пришла пора установить какие-то реальные перспективы развития и снять сегодняшние противоречия. Иначе опять будут конфликты, потрясения, деструктивные явления в социуме. На что же ориентироваться? Естественно на доброе и вечное благо – мир, труд, май. Мир – это перспектива планомерного развития в спокойных условиях; труд, как любая творческая деятельность – обязательное условие самосовершенствования человека, как существа, отличного от животного; май – это настроение праздника, которое необходимо обеспечить людям для их удовлетворения своей жизнью. А конец истории – это вовсе не конец света, это просто – окончание очередного этапа в историческом эволюционном развитии человеческой популяции [6: 36].

Но, конечно, стоит обсуждать не только светлые перспективы, но и мрачные прогнозы. Например, это – биотехнологическая революция. Что это? Это ведь не только взлет нашего могущества в излечении различных болезней или усовершенствовании видов живых существ по нашему усмотрению, а это еще и риск потерять нашу сущность, нашу человеческую «изюминку», данную нам Богом. Ведь эти нанотехнологии могут не только помочь нам в геномной инженерии, но могут также и подменить нас изнутри. Если мы можем встроить дополнительный ген в тыкву и она перестанет портиться, то надо не забывать, что этот ген взят у акулы. А если мы рано или поздно захотим быть физически сильными и быть в состоянии переносить грузы весом в пять раз больше нас самих, то мы можем взять ген и у муравья, но как бы нам не измениться не только на уровне физического тела, но и на уровне своей души. То есть, мы рискуем утратить ту самую «искру Божью», которая составляет содержание нашего Я, нашу сущность. Мы можем даже не заметить этой подмены. Разве это не страшно? Вот так перспектива развития проблемы! [2: 81]

Но все же, человек должен себе представлять, каково его будущее, хотя оно и трудно прогнозируется. Допустим, победила везде европейская манера социального устройства, – это успокоенная, обеспеченная, размеренная и сытая манера, либерально-демократическая. Выдержат ли долго люди эту спокойную жизнь? Нет. Почему? Потому, что в природе человеческой существует тенденция, или тренд психики, или стремление, или тяга к ... беспокойному поиску новых впечатлений. Да и как же может быть иначе? Ведь интеллектуальное развитие человека возможно только благодаря его любопытству, его поиску объяснения увиденному, поиску свежедобытой информации, влечению к приключениям, участию в значимых событиях. А что может быть интересней, чем бунт, революция, кровь, перетрубация, переворот? Только натуральная буря, которая топит корабль и спасенный находит необитаемый остров, а, следовательно, новую, неизведанную жизнь, новые испытания и впечатления. Так выдержит ли молодой буржуа, или мыслящий, ищущий студент, сколько-нибудь долго такую спокойную, обеспеченную, и, главное, предсказуемую жизнь? Нет! Он придумает причину, почему либерализм – плохо, а демократия – примитивно, и будет бороться против демократии, против либерализма. Например, такое рассуждение: «Своя нация – в упадке, в забвении!!! Так что

давайте-ка, скажем: «Долой либерализм!», и выдворим свободных господ гостей с другим цветом кожи в их родную страну!» Или что-нибудь в этом духе, типа: «Меня раздражает не то, что блага демократии распределены неравномерно, а то, что кто-то, не достойный меня, имеет те же права, что и я! Меня раздражает сама парадигма демократии! Я буду бороться с демократией, как ее противник, потому что я достоин быть лидером, а Иванов – не достоин. А демократия почему-то нас уравнивает!» И все-таки будут люди с чем-нибудь бороться! Найдут с чем! Просто такова природа человека. И будут искать, и бороться, и не будут сдаваться до окончания века! Так что, кажется «конец истории» в бесконечном Универсуме и, бесконечном же человеческом бытии, бессмыслица такого же рода, как сказать, что вода текла-текла и, притекла к своему логическому завершению, наконец-то наступил конец ее мокрому состоянию, и она стала сухой [6: 48].

Но что же все-таки ожидает нас в будущем? Или крайность, состоящая в умиротворенности самопоглощенных людей, плавающих в океане безмятежности и покоя, в отсутствии стремлений к высшим идеалам, или наше будущее в новом витке кровавых поединков между нациями в стремлении признания своего превосходства, но уже с беспредельно более могущественным оружием и, может быть, эти новые войны будут иметь уже космические масштабы? О том, что человечество не будет долго терпеть состояние покоя, говорит недавний опыт, – Первая Мировая Война. Ведь все результаты экономико-политико-исторических исследований и попытки анализа не дали однозначных выводов. Так мы и не поняли, что же толкнуло Европу на эти дикие человеческие жертвы, – германский ли милитаризм, дисбаланс ли сил в Европе, глупость и неосторожность ли руководителей, или, может быть, просто скука, одолевшая людей от этой беззаботной и обеспеченной либерально-демократической жизни. И действительно, ведь могла бы Австро-Венгрия «спустить на тормозах» этот конфликт, убийство эрцгерцога, – ведь не обязательно же объявлять войну! Это все равно, что взорвать стену, по которой пробежал караванчик муравьев, чтобы они не распространились на всю квартиру. Но ультиматум был таким резким и неколебимым, что создается впечатление, как будто бы подобной «мелочи» ожидали, как предлога. И тут же такая мощная поддержка Германии с митингами возле резиденции кайзера, хотя немцы не были заинтересованы в конфликте между Австро-Венгрией и Сербией [5: 93].

Да и во всем европейском сообществе произошли подобные вспышки активности гражданского населения: и в Париже, и в Петербурге, и в Лондоне, и в Вене. Что же эта реакция может означать? Может быть то, что люди устали от разобщенности пролетариев с капиталистами, католиков с протестантами, рабочих с крестьянами? Может быть, люди почувствовали, что война их объединит, вернет им равенство и братство? Вернет им утраченное чувство гражданственности? Ведь все эти размежевания и отчуждения неестественны для человеческого сообщества, ведь люди – это не одиночки, а цельный организм, не подлежащий разобщению и какой-то несусветной дихотомии! Естественно, что этот организм вынужден быть периодически подвержен оздоровлению с помощью войн, выступающих в качестве структурирующего фактора, как ни абсурдно это звучит! [4: 127]

Но только ли в скуке дело? Может быть, тяготение к конфликту объясняется еще и гражданским долгом? И долгом не в том смысле, что существует определенный общественный договор, который необходимо соблюдать. Нет, в том смысле, что долг человека – реализовать свою способность сознательно пожертвовать жизнью! То есть жертва не ради долга перед обществом, а ради доказательства способности на такую жертву! Жертва ради доказательства превосходства человека над материальностью мира, над природной предопределенностью; доказательства способности человека творить самому свою судьбу и быть свободным!

Что же получается? Наше будущее – война? Может быть. И Ницше и Аристотель утверждали, что двигателем прогресса являются конфликты. Ницше говорил о том, что будущая нигилистическая Европа будет перевернута «войнами духа», то есть совершенно бессмысленными войнами, утверждающими только сам факт легитимности войны, а Аристотель полагал, что никакой социальный строй никогда не будет удовлетворять людей, потому что не сможет быть идеальным, подходящим для всех. И, поэтому, конфликтов не удастся избежать никогда. Так может быть и нам постулировать возвращение белокурых людей, стремящихся доказать свое превосходство, претендующих на исключительные условия жизни и доводящих общество до войны? О каком «конце истории» тогда мы говорим? Нас ожидают витки спирали, построенные по одинаковой схеме, но наполненные дополнительным содержанием [7: 52].

И, в заключении, нужно сказать, что проблема нами решена в той мере, как мы предполагали не до конца. Но ведь в науке отрицательный результат является тоже результатом. Однако чтобы провести полноценный анализ, можно было бы предложить не только сопоставить наше субъективное мнение с авторитетным мнением Френсиса Фукуямы, а назначить данную проблематику на обсуждение более компетентной публики, нежели ваш покорный слуга. И, в результате более детального дискурса, попытаться сформулировать более обоснованное и более объективное мнение, нежели высказанное в этой работе нашими скромными усилиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бестужев-Лада И. Альтернативная цивилизация / И. Бестужев-Лада. – М., 1998. – 352 с.
2. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Фрэнсис Фукуяма; Пер. с англ. М.Левина. – М.: ОАО «ЛЮКС», 2004. – 349 с. – (Philosophy)
3. Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века / В.Руднев. – М., 2001. – 608 с.
4. Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М.: Политиздат, 1991. – 366 с.

5. Тузовский И.Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий / И.Д. Тузовский. – Челябинск, 2009. – 312 с.
6. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма. – М.: АСТ, 2007. – 588 с. – (Philisophy)
7. Цофнас А.Ю. Печаль Фукуямы в пространстве аксиологических координат / А.Ю. Цофнас // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – 130 с.
8. Чоран Э.М. Механика утопии / Э.М. Чоран // Сборник работ западных философов XX-XXI веков. Апокалипсис Смысла. – М., Алгоритм 2007. – 230 с.

*Рекомендовано до друку науковим керівником к.філос.н, доц. О.В. Ніколенко
Стаття надійшла до редакції 18.09.2014*